

БУХТА СЕВАСТОПОЛЯ

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Бухта Севастополя / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Спецназ КГБ).

ISBN 978-5-04-229825-7

29 октября 1955 года в бухте Севастополя в результате взрыва затонул советский линкор «Новороссийск». Следствие склоняется к единственно возможной причине трагедии — детонации донной мины времен войны. Группе спецназа КГБ «Дон» Вячеслава Богданова поручено проверить официальную версию и постараться найти виновных. По прибытии в Севастополь оперативников начинает преследовать череда неприятных сюрпризов. Сначала при загадочных обстоятельствах погибает опытный водолаз. Затем среди технического персонала порта выявляются двое диверсантов, известных КГБ по предыдущим операциям. Позже происходит покушение на одного из свидетелей. Богданов понимает, что его группа попала под прицел невидимого противника, а это значит, что предстоит серьезная схватка...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-229825-7

ПРОЛОГ

Он принадлежал к одному из старейших княжеских родов Италии. С пятнадцатого века сначала в Сиене, а потом и до самого Рима знали, что семья Боргезе не бросает слов на ветер. Его предки занимались искусством, торговлей, архитектурой... военным делом. Гремели войны, менялся мир вокруг, но кровь Боргезе не становилась от этого слабее, жиже. Уже давно к ним не обращались с прежним почтением. Но сегодня, когда один из последних представителей этого рода смотрел на родную Сиену из окон своей городской квартиры, он видел не город. Не его древние стены и мощные улицы. Не эмблему контрады (района) Совы, которая была выбита на стене соседнего дома. Он видел плавные и в то же время жесткие линии корпуса линкора «Джулио Чезаре».

— Все готово, Виктор, — тихо сказал помощник, входя в комнату. Князю нравилось, когда его называли вторым именем.

— Отлично, — откликнулся Виктор Борге-зе, — как бы я хотел быть с вами и еще раз увидеть старину «Чезаре». Говорят, в Новороссийске очень красиво осенью.

— Да. Мы добавим осени чуть больше... огненных красок, — с улыбкой заметил помощник.

Операция «Кипящее море». Как же любят итальянцы громкие слова...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ночью двадцать девятого октября тысяча девятьсот пятьдесят пятого года в Севастопольской бухте было тихо.

Даже слишком тихо, по мнению вахтенного матроса Владислава Проценко. В порту полной тишины и темноты не бывает даже ночью. Виднеются сигнальные огни Андреевской батареи, где-то вдали время от времени можно разглядеть стоящие на рейде корабли. В городе пусть не везде, но горят фонари. Даже ночью порт не засыпает, всегда есть движение. Но сегодня здесь царило странное затишье; Проценко поймал себя на том, что всматривается в темную линию горизонта до боли в глазах. Время от времени на матроса накатывал липкий ужас.

Чутье. Чутье буквально кричало, что что-то не так. Не так на самом деле было все. Изначально «Новороссийск» собирались пришвартовать в другом месте. И даже подготовили там

бочки¹. Но внезапно передвинули на три метра. Практически весь экипаж линкора, кроме дежурных, должен был быть сегодня в увольнительной. Но выходной перенесли, и все остались на борту. Удивленные, да. Но военные моряки — люди привычные. Слава мерил палубу шагами, пытаясь привыкнуть к такому непривычному кораблю. А еще он старался уговорить себя, что все его волнение на самом деле связано с тем, что завтра на линкоре состоятся торжественные смотры, а значит, опять парадное построение, где каждому предстоит стоять строго на своем месте. А еще придется с утра вновь отдраить весь корабль так, чтобы глазам было больно смотреть на него на осеннем сева-стопольском солнце.

Корабль был родом не из Севастополя. Линкор прибыл из Италии, для того чтобы встать в строй и служить в Черноморском флоте, совсем недавно. Шли к этому небыстро. На Тегеранской конференции в конце сорок третьего года Верховный главнокомандующий товарищ Сталин настоял на разделе итальянско-

---

¹ «Стоять на бочке» в морском флоте означает быть закрепленным за бочку — стальной поплавок, поддерживающий свободный конец цепи, закрепленный на мертвом якорю. К бочке крепят швартовы или якорную цепь судна.

го флота, но вопрос о передаче итальянских кораблей был решен только в процессе подготовки мирного договора с Италией, и сколько копий было сломано в процессе переговоров, не знает никто. Много.

Планировалось, что Советскому Союзу передадут несколько новых линкоров, и, используя их в качестве образца, страна собиралась построить свои корабли. Но пока что хитрые итальянцы передали только «Чезаре» — судно, спущенное на воду еще до Первой мировой войны. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, вахтенный стал восстанавливать в голове все детали истории о линкоре, о котором гудел весь Севастополь. Да и не только Севастополь. Во время войны флоту сильно досталось. И сейчас ему был нужен флагман. Боевой, сильный, мощный, на этот корабль будет смотреть весь мир!

Сорок восьмой год — «Чезаре» навсегда покинул Италию. Откуда точно он прибыл, Проценко не знал, но говорят, что Италия похожа на Крым. Так же жарко, такое же теплое море, и такие же люди, стойкие, сильные. Так говорят. Сейчас здесь, на борту линкора, Италия кажется такой же далекой, как звезды на бархатном крымском небе.

Флаг СССР на мачте линкора подняли шестого февраля. Через две недели он был уже

в Севастополе, но только через несколько месяцев, в марте сорок девятого, кораблю торжественно, в узком «семейном» черноморском кругу, присвоили имя «Новороссийск». Он был не единственным, кто сменил страну и встал под красный флаг Советов, но пока что громче всего говорили именно про «Новороссийск».

Слава сам родился в Новороссийске. И был рад, что кораблю, на котором он теперь нес вахту, дали это имя. Он любил свой героический город и надеялся, что и с тезкой у него все сложится. А когда сложится... В Севастополе жила сестра. Муж у нее погиб на войне, остался маленький сын. Слава называл его братом — всегда мечтал о братишке. Вот заработает денег, будет брать столько смен, сколько дадут, и выкупит вторую половину дома, в котором сейчас жила сестра. Выкупит, вычистит сад — сейчас он больше всего был похож на дикие заросли. А потом найдут вдовой сестре мужа... Заживут. Под натиском теплых мыслей о семье, доме, сестре страх отступил, дышать стало легче, и Слава еще раз осмотрелся. Он пока не привык к линкору, и силуэты орудийных башен казались в темноте чужими. Потом привыкнет и будет передвигаться по нему с закрытыми глазами. Но на это нужно время...

Проценко снова вернулся мыслями к истории с линкором.

Итальянцы, конечно, те еще «союзнички», ни одного хорошего слова сказать про них ни Проценко, ни остальные моряки из экипажа линкора не могли. Корабль был в крайне запущенном состоянии. Такое ощущение, что часть перегородок в отсеках в нем порушили специально, мебель — выдирали с корнем. Ни чертежей, ни каких-либо документов никто пока так и не увидел. Кормили обещаниями, что все передадут, а потом, когда страна стала ремонтировать линкор, махнули рукой. Увидели, что сами справляются. Ходили слухи, что перед тем, как передать корабль Советам, итальянцы сделали косметический ремонт, но похоже, просто подтянули все, что можно было, чтобы он дошел до Севастополя и встал в док. Даже днище от наростов как следует не почистили. Первое время все удивлялись тому, насколько по-разному жили итальянские моряки и советские, ходили, смотрели, спорили. Как так можно было? Как будто не корабль для дальних походов, а так, на рыбалку сходить. Например, на камбузе были только котлы для варки макарон, и оба не работали. Плиты не было. В походах, по слухам, моряки питались исключительно макаронами с соусом из сухого вина и масла.

Каюты и отделения для командирского состава не были приспособлены для того, чтобы на корабле совершались длительные переходы. В некоторых местах койки сооружены прямо в коридорах. Где упал, там и уснул. Единственное, что, пожалуй, притягивало взгляд, — это инженерный отсек. Вот там бардака не было. Красиво, как в музее. Ходи, смотри, поди разберись, как все это работает.

Первое время, до оборудования нормального камбуза, питание моряков обеспечивалось несколькими армейскими походными кухнями, почти круглосуточно дымившими на палубе. Парни шутили, что так маскируют линкор. А что? Чем тебе не дымовая завеса? В холодное время, в особенности при минусовых температурах наружного воздуха, в кубриках под палубой полубака, не имевшей изоляции, личный состав находился под сплошным дождем конденсата от обильного отпотевания. Для отдыха служили двух- и трехъярусные койки, размещенные буквально впритык друг к другу в проходных кубриках. Проценко слышал, что после под кубрики отдали даже один оружейный склад. Спать было холодно. Очень холодно.

В сорок девятом году линкор уже поставили в Северный док. Эх. С одной стороны, плавные линии, какой-то невиданный шик.

А с другой стороны, даже после ремонта было видно, что «Новороссийск» видал и лучшие времена. Слишком глубокая осадка, все еще сильно обросшее «брюхо». Но через три месяца — линкор уже флагман! Флагман Черноморского флота, и он принимает участие в маневрах эскадры. Славу уже тогда приписали к нему, но на самом деле он видел линкор раньше. Почти все моряки, кто служил на «Новороссийске», так или иначе знали это судно. Специально подбирали тех, кто участвовал в скоростных испытаниях, кто работал на верфях, кто раньше служил на больших миноносцах. Комитеты работали тихо, а значит, все и обо всем знали, но молчали. Почти за год собралась команда, где почти шесть сотен человек были знакомы с линкором. И многие уже стали к нему привыкать. А так-то да. Диво дивное. Скорость выше двадцати семи морских узлов! Это самая высокая скорость, которую мог показать военный корабль. Не было у Советского Союза на тот момент в Севастополе кораблей быстрее. Да и по вооружению линкор хоть и не молод, но самый сильный. Часть орудий оставили итальянские, хотя Проценко лично слышал, что артиллеристы говорили — надо менять. Не дело это — разваренные пушки, рванет. Но пока решили оставить. Часть поста-

вили мощные, советские. Как ни крутил всю эту историю в голове вахтенный Проценко, все было понятно. «Новороссийск» будет флагманом, пока наши не построят корабли, равные ему. А лучше — мощнее, быстрее. Собственная линейка линкоров. Вот мечта главкома Черноморского флота, вице-адмирала Пахоменко. Хотя кто будет спрашивать вахтенного матроса Проценко? А тем не менее и он, и другие моряки считали, что будущее не за большими кораблями, а за маленькими. Маневренными. Как торпедные катера. Но только поставить бы на них большие пушки.

Проценко тряхнул головой. Замечтался. Внезапно ему показалось, что вода за кормой как будто вздохнула. Чуть-чуть изменился ритм, словно к кораблю подплыло что-то большое. Может, рыба какая? Только бы не донная мина. Только бы не мина. Говорят, что их еще очень много на дне осталось. Тральщики работали без устали, но, когда ила больше десяти метров, поди найди, где там мины лежат.

— Лунная ночь, — пробормотала тень в тени кормы.

— Тебе чего не спится? — Проценко узнал судового медика. По правилам, даже если корабль стоял на бочке, фельдшер должен был находиться на борту. В этот раз, видимо, перед

парадными смотрами вызвали весь состав. Три медика и санитарка. Зачем столько?

— Да странно все это. Еще вчера должны были всех в увольнительную отпустить, жене обещал, что дома буду. А сегодня всех созвали, — пожал плечами медик, — что-то не то. Не могу понять, но аж свербит между лопатками.

Проценко хотел бы поспорить, да не смог. Действительно, что-то не то. Чутье, пресловутое, не замолкающее с войны чутье. Когда Севастополь обстреливали в течение долгих двухсот пятидесяти дней, Славка был еще мальчишкой. Но работал как мог. Все работали. Конечно, мало кто верил во все эти «бабкины сказки». Чутье, предчувствие, какие-то там тонкие материи. Но... Но на войне молились все. Страшно там было, очень. Самое плохое — если страха уже не было. Тогда, значит, либо тебя уже убили, либо сошел с ума. У всех были свои «звоночки», что-то, что предупреждало «за минуту до». До выстрела, до атаки, до тарана вражеского корабля. У вахтенного Проценко это был звон в ушах. К концу войны он уже научился слушать его и знал, что если звенит тоненько, противно, как комар, то может быть и выговор или там новость какая плохая. А если вот как сейчас, громко, оглушительно, — беги.

Первый взрыв прогремел как раз у того места, у правого борта, где стояли военный фельдшер и вахтенный. Это и спасло жизнь Проценко, которому показалось, что палуба выгнулась дугой от второго, мощного взрыва, который прогремел где-то внутри, во «внутренностях» корабля. Металл обшивки застонал, но фельдшер за минуту до второго взрыва успел толкнуть вахтенного в воду и прыгнуть сам. Но какой-то непонятной оглушенному Проценко силой его спасителя развернуло и яростно ударило об одно из орудий линкора. Он умер еще в полете. Не может человек после того, как его тело сломает вот так, под прямым углом, остаться живым.

Когда фельдшер упал в воду, Проценко показалось, что море кипит, хотя на самом деле его просто немного «лизнул» огонь с палубы.

Но это со стороны кажется, что все произошло слишком быстро. Не вскрикнуть даже. На самом деле в голове матроса пронеслись десятки мыслей, и одна из них была «не спасут» — не будут поднимать корабль. Предупреждали же, что нельзя ставить линкор к Госпитальной стенке¹, слишком много там на дне еще осталось донных мин.

---

¹ Госпитальная стенка — причал в Севастополе, около которого размещен главный военный морской госпиталь Черноморского флота.

Чудовищная дыра в корпусе старого линкора не оставила шансов выжить матросам, которые ночевали там. Именно в этом месте были те самые новые кубрики. Ребята умерли до того, как успели понять хоть что-то.

Второй взрыв был тише. Звук был очень страшным, похожим на чей-то зловещий шепот. А потом, кажется, гроыхнул третий. Или показалось, когда Славка уже медленно уходил на дно вместе с линкором, словно привязанный к нему невидимым канатом.

«Новороссийск» медленно уходил на дно, подобраться к нему близко для спасения моряков, казалось бы, невозможно, но уже спешили на помощь вспомогательные и спасательные корабли. Они со всех сторон мчались по воде, словно чувствовали, что нужна будет помощь, и стояли на дежурстве. То, что линкор поставили на три метра ближе к Госпитальной стенке, чем изначально планировалось, сыграло на руку сейчас — расположенным поблизости кораблям не пришлось издалека спешить на помощь.

Со стороны могло показаться, что этой трагедии ждали, настолько быстро пришла помощь. Два буксира подцепили линкор за «ноздри», якорные окна, и в этот момент тяжелый корабль резко развернулся на бок из-за про-

боины в боку, одна из орудийных башен стала крениться, и «Новороссийск» стал еще быстрее уходить под воду, но, что опаснее, чем когда он шел прямо, — боком. Буксиры начало затягивать за ним. Часть матросов, кто был на палубе, попрыгали в воду, их стали быстро подбирать на вспомогательные суда. Всего с палубы в этот момент удалось спасти около ста человек. Еще более шести сотен уходили под воду вместе с линкором. Кого-то, может быть, еще смогут спасти.

Страшная ночь продолжалась.

Черные тени, которые видел матрос Проценко, ушли еще до первого взрыва. Они быстро поднялись на палубу бывшего военного катера, ныне из-за сильных повреждений отправленного «на гражданку», и переоделись с какой-то нечеловеческой скоростью. Миг — и рыбацкий кораблик героически спешит на помощь тонущему гиганту. Как и все, кто был рядом в акватории Черного моря.

* * *

Тем временем в Москве молодой оперативник боевой группы спецназа КГБ «Дон» Вячеслав Богданов не спал. Всего-то вторую ночь его сосед шел во сне в атаку. С криками и не-

изменным падением на пол. Обычно от этого грохота просыпался весь этаж. Слышимость у них в доме была очень хорошая. Сразу после «атаки» начинали ругаться соседи сверху — запускалась цепная реакция. От воплей просыпался ребенок в квартире сбоку, и завершала этот концерт Лизавета Остащенко, одна из самых известных пианисток Москвы. У нее был очень чуткий сон, и, когда ее будили, она начинала играть «Лунную сонату». Притом не всю, а один, самый медленный и самый монотонный, отрывок. Она могла это делать от одного часа до двух в зависимости от интенсивности звуков, которые ее разбудили. Богданов, которому уже много раз приходилось участвовать в боевых операциях и даже брать на себя руководство частью бойцов, в очередной раз подумал о том, что нужно купить Остащенко цветы. Потому что именно ее игра служила сигналом к тому, что пора засыпать, и соседи замолкали. То ли на них так влияла классика, то ли они просто надеялись, что и в этот раз она не будет доигрывать «Лунную сонату» до конца.

Вячеслав поймал себя на мысли, что, несмотря на то что вернулся он с очередного дела совсем недавно, снова мечтает о командировке. Ему было нужно новое место, новый город и новый, пусть временный и служебный, дом.

Дом, у которого будут толстые стены. Старый дом... Наверное, именно поэтому лейтенант был даже рад, когда у него зазвонил телефон. Когда-нибудь телефоны будут в каждом доме, и то, что у него имелся собственный, было причиной зависти всех соседей. Стоило раздаться звонку, как снова зазвучала «Лунная соната». Вячеслав мысленно извинился перед соседями и снял трубку.

— Через десять минут машина у твоего подъезда, — вместо приветствия и вопроса «Не разбудил?» сказал майор КГБ и руководитель группы «Дон» Павел Андреевич Семенов. Странно, обычно он хотя бы кратко говорил, к чему готовиться, что с собой брать и вернется ли он сегодня домой для сборов.

— Вещи? — деловито спросил оперативник.

— Успеешь. — По голосу было слышно, что Семенов улыбнулся, и Богданов чуть расслабился. Не любил он, когда начальство напрягается. Потому что это может означать и то, что его, в свою очередь, напрягло еще более высокое начальство. А это значит, что в ближайшее время выспаться никому не удастся. И никакая «Лунная соната» им всем не поможет.

Машина в самом деле была ровно через десять минут. Богданов собрался за семь — и уже ждал ее, ежась от ночной прохлады.